

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*



Лидия Алексеевна Чарская
Случай
Серия «Гимназистки», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636175

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Девочка казалась мертвой. Но она не умерла. Это был глубокий обморок, и только. В операционной комнате городской больницы ее уже ждали доктора в белых фартуках, сестра милосердия, фельдшерицы...

Лидия Алексеевна Чарская

Случай

По тому уже, как быстро вызванная карета «скорой помощи» увозила девочку, было решено, что ее положение опасно.

Кондуктор и вагновожатый с волнением поясняли публике и полиции, что никто из них не был виноват в несчастье. Девочка появилась на пути так быстро, что никак нельзя было остановить вагон. Полицейский просил расходиться. Публика с ужасом смотрела на ярко-красные капли крови, оставшиеся на мостовой.

Женщина в ситцевом платье рыдала тут же, держа за руки крошечного мальчика, который с испуганными вытаращенными глазенками поглядывал исподлобья на всех, ежеминутно готовый разреветься благим матом.

А карета увозила девочку, истекающую кровью... Трамвай наскочил на нее, отбросил в сторону, и она разбила голову о железные рельсы электрической дороги...

Девочка казалась мертвой. Но она не умерла. Это был глубокий обморок, и только. В операционной комнате городской больницы ее уже ждали доктора в белых фартуках, сестра милосердия, фельдшерицы.

Сначала ей срезали ее пышные темные кудри, потом зашили глубокие порезы, наложили швы... Забинтовали ра-

ны...

– Девочка будет жить! – сказал старший доктор, делавший операцию.

И ее унесли в палату, ослабевшую, бледную, как смерть.

* * *

Такой шумной рекреации еще никогда не было в гимназии. Никогда еще так не шумели, не кричали и не суетились гимназистки среднего, пятого, класса, как в этот раз! Впрочем, «пятым» было отчего волноваться, шуметь и кричать!

Про ужасный случай узнали только сейчас. Классная дама только что объявила им всем, этим юным девочкам, о катастрофе, происшедшей с их подругой по классу. В кратких словах сообщила она о том, как Налю Курманову едва не раздавил трамвай. Но, к счастью, Наля жива и будет жить, если верить словам доктора.

Необъятный ужас воцарился в классе. Многие рыдали навзрыд при этом известии. Наля! Всегда веселая, бойкая, шаловливая проказница Наля попала под трамвай!

Начались предположения...

– Она, наверное, шалила на улице по своему обыкновению, прыгала по рельсам! Иначе каким образом могло случиться несчастье?!

Говорили все сразу, хором, делали всевозможные догадки, фантазируя, волнуясь.

– Ну конечно, шалунья Наля нашалила и теперь!

– Бедняжка! Бедняжка! Какое несчастье! Но, слава Богу, что еще жива и выздоровеет. На целую жизнь, однако, теперь уже ей останется урок!

Так рассуждали девочки всем классом. И только одна ближайшая подруга Нали, Васочка Митрофанова, заливаясь слезами, твердила:

– Нет, нет! Это не шалость! Нет... Я знаю наверное... Она, Наля, дала мне слово... Раз навсегда слово дала не шалить на улицах, вести себя тихо и пристойно... И... я знаю Налю... Она шалунья... Но она честная и слово свое сдержит! Сдержит! Всегда! – и Васочка взволнованно смолкла, не будучи в состоянии говорить.

Девочки покачивали головами. Им как-то не верилось, что шалунья Наля могла не шалить...

– Да, положим, она дала, слово... Но разве это уж так нечестно – не сдержать слово, а особенно такой шаловливой, горячей девочке, как Наля? Разумеется, ошибается Васочка и...

– Но как, однако, жестоко поплатилась за свои шалости бедняжка Наля! Ей, такой веселенькой и подвижной, куда как невесело, должно быть, лежать в скучной больничной палате!

– Надо ее навестить! Непременно навестить в ближайший же прием, в воскресенье, – было решено всем классом.

Бедная Наля! Скорей бы поправиться бедняжке! Этого

искренне и горячо желали все девочки своей бедной маленькой подруге.

* * *

К Нале, однако, не пустили в воскресенье. Налю нельзя было видеть, она была слишком слаба.

Попали в больницу девочки в следующий затем праздник.

Их собрался весь класс. Но пропустили только пять человек, «маленькую депутацию», как пошутил встретивший их доктор.

– Видеть столько подруг сразу было бы очень утомительно для больной, – решил он, ласково улыбаясь детям.

Нечего делать, отправились пять избранных и в числе их Васса, конечно. Остальные остались в вестибюле ждать возвращения подруг.

Вскоре внимание девочек невольно привлекла просто одетая, в ситцевом платье, женщина с большеглазым мальчиком на коленях. Женщина, очевидно, тоже ждала в швейцарской и горячо рассказывала стоявшей перед ней больничной сиделке со слезами на глазах:

– Вот, матушка моя, кажинный день хожу, добиться не могу толку. Все один ответ: «Завтра пустим к больной... А то ты опять плачешь, нынче ее расстроишь только». Да как же, милая ты моя, мне не плакать-то! Да я без слез этого самого вспомнить-то не могу! Подумай только, голубушка моя:

идем мы это с Митюшкой по тротувару, а он, негодный этакий, как вырвется, как побежит! Улицу, видишь ты, перебежать хотел, игрушку у продавца на той стороне увидал... А трамвай-то этот... чудище-то это, прости Господи, из-за угла как махнет да на Митюшку! У меня сердце так и упало... И спасти нельзя. Извозчики дорогу преградили, не поспеть. Гляжу: а из-под земли ровно выскочила барышня, маленькая такая, в черном передничке, по всему видать, гимназистка! Как схватит Митюшку за плечи, как с рельсов-то оттолкнет, а сама-то отскочить не успела... Налетел это трамвай, опрокинул, откинул ее на сажень, поди... Упала сердешная, головка на рельсы... вся в кровь... Чуть не до смерти убилась... Ну, сейчас это полиция, народ. Карету, значит, вызвали! Увезли ее, сердешную, сюды, в больницу! Ах ты, Господи Боже! Который день хожу, в ногах валяюсь у всех здешних, прошу повидать мне моего ангела, спасительницу моего Митюши! Поблагодарить ее. Ведь кабы не она – не видать мне мальчонку, насмерть бы задавило его!..

Женщина заплакала снова, вытирая кончиками головного платка обильно струившиеся слезы.

Гимназистки переглядывались между собой.

– Это она о Нале! Наверное, о Нале... – слышался сдержанный шепот в их толпе.

В это время пятеро депутатов вернулись из палаты. Васочка шла впереди всех. Ее глаза сияли. На лице было счастливое, праздничное выражение. Вздонованная и радостная,

она очутилась в толпе подруг и, поглядывая на всех блестящими глазами, заговорила, волнуясь:

– Ага! Что! Ага! И не думала она шалить тогда, Наля! И несколько она не шалила, а только, только... Если бы вы только знали, что рассказала нам только что ее мама... Она сидит у Нали сейчас. Наля ребенка спасла, мальчика, от трамвая, а сама... Ах, если бы знали только!

– Мы знаем! Все знаем – отозвались смущенные голоса девочек, вот она, эта женщина, рассказывала сейчас про Налю... Все... все... мы были не правы. Да, мы были не правы, думая, что она... она...

– Хорошая она! Славная, самоотверженная! – перебивая подруг, снова восторженно вскричала Васса, и еще ярче заблестели ее счастливые глаза.

* * *

Наля поправилась и снова появилась в классе. Ей устроили шумную встречу, когда она впервые пришла в гимназию после болезни. Девочки на перемене обступили Налю, искали ее дружбы, не отходили от нее, стараясь предупредить ее малейшее желание.

Васса менее всех выражала свой восторг, свою радость... Васса не умела красноречиво говорить, шумно восторгаться, но Наля и без слов понимала, насколько ее скромная юная подружка крепче всех других любит ее...